

Оджалан против Турции

[Öcalan – Turkey] (№ 46221/99)

Постановление от 12 мая 2005 г. [вынесено Большой Палатой]

Обстоятельства дела

В октябре 1998 года заявитель, гражданин Турции и бывший лидер Курдской рабочей партии (КРП)¹, был выслан из Сирии. После пребывания в различных странах он был поселен в резиденции посла Греции в г. Найроби, Кения. 15 февраля 1999 г. заявителя отделили от посла, и представитель кенийских властей отвез заявителя на автомобиле в аэропорт на самолет, зарегистрированный за Турцией и находившийся в международной транзитной зоне аэропорта г. Найроби, где Оджалана ждали представители властей Турции, чтобы арестовать его.

Суды Турции семь раз выдавали ордера на арест Оджалана, и он был объявлен в розыск по линии Интерпола. 16 февраля 1999 г. заявителя доставили самолетом в Турцию и взяли под стражу в тюрьме на острове Имрали². С того дня сотрудники сил безопасности стали подвергать его допросам. 22 февраля 1999 г. его допрашивал прокурор Суда государственной безопасности г. Анкары. 23 февраля 1999 г. заявитель предстал перед судьей Суда государственной безопасности, который издал постановление о заключении Оджалана под стражу до суда.

В обвинительном заключении, представленном 24 апреля 1999 г., прокурор Суда государственной безопасности г. Анкары выдвинул против заявителя обвинение в деятельности, направленной на сецессию части национальной территории Турции, а также в том, что с этой целью он создал и возглавил вооруженное формирование. На основании статьи 125 Уголовного кодекса Турции прокурор просил суд назначить заявителю наказание в виде смертной казни.

Пока шло судебное разбирательство по делу заявителя, в Конституцию Турции были внесены поправки, предусматривавшие исключение военных судей из состава судов государственной безопасности. Во исполнение этих поправок в Суде государственной безопасности, рассматривавшем дело заявителя, на место военного судьи был назначен судья из числа гражданских лиц. 29 июня 1999 г. Суд государственной безопасности г. Анкары признал заявителя виновным во вменяемых ему преступлениях и на основании статьи 125 Уголовного кодекса Турции приговорил его к смертной казни. Своим решением, вынесенным 25 ноября 1999 г., Высший Кассационный суд оставил этот приговор в силе.

Тем временем, 13 ноября 1999 г. Европейский Суд по правам человека решил применить Правило 39 своего Регламента и потребовал от властей Турции принять все необходимые меры для того, чтобы приговор к смертной казни, вынесенный заявителю, не был бы приведен в исполнение; приостановление исполнения

¹ Курдская рабочая партия Турции в 2002 году была внесена Евросоюзом в «черный» список частных лиц и организаций, которых Евросоюз считает террористическими (*прим. перев.*).

² Остров Имрали расположен в Мраморном море у северо-западного побережья Турции. Место заключения на острове было приспособлено специально для содержания одного только Оджалана. Пространство вокруг острова объявлено запретной зоной (*прим. перев.*).

назначенного наказания было необходимо для того, чтобы Европейский Суд мог эффективно рассмотреть вопрос о приемлемости жалобы заявителя. В сентябре 2001 года тюрьму, в которой содержался заявитель, посетили делегаты Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного либо унижающего человеческого достоинства обращения или наказания, которые сделали определенные рекомендации.

В августе 2002 года в Турции законодательно была отменена смертная казнь в мирное время. Соответствующие поправки были внесены в Уголовный кодекс страны. В сентябре 2002 г. власти Турции известили Европейский Суд, что наказание в виде смертной казни, назначенное заявителю, не может быть более приведено в исполнение. Своим решением, вынесенным в октябре 2002 г., Суд государственной безопасности г. Анкары смягчил наказание, заменив заявителю смертную казнь лишением свободы пожизненно. 12 марта 2003 г. Палата Европейского Суда (I Секция) вынесла Постановление по жалобе заявителя (см. «Информационный бюллетень по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека» [*Information Note on the Case-law of the European Court of Human Rights*]³ № 51). В ноябре 2003 года Турция ратифицировала Протокол № 6 к Конвенции, касающийся отмены смертной казни.

Вопросы права

По поводу пункта 4 Статьи 5 Конвенции. Что касается особых условий, в которых оказался заявитель во время заключения под стражу в полиции, Большая Палата Европейского Суда не видит причин не соглашаться с выводом Палаты Европейского Суда⁴ о том, что обстоятельства дела сделали для него невозможным обратиться к помощи средства правовой защиты, о котором упоминало государство-ответчик, а именно: к подаче жалобы, согласно нормам Уголовно-процессуального кодекса, в суд по вопросу о законности его заключения под стражу или жалобы на решение прокуратуры о заключении его под стражу. Большая Палата далее согласилась с выводом Палаты о том, что предъявление требования выплаты компенсации в соответствии с Законом № 466 не является процедурой такого типа, как требуется пунктом 4 Статьи 5 Конвенции⁵.

Постановление

Предварительные возражения государства-ответчика в отношении жалоб заявителя на нарушения его прав, предусмотренных пунктами 1, 3 и 4 Статьи 5 Конвенции, отклонены; установлен факт нарушения пункта 4 Статьи 5 Конвенции (принято единогласно).

По поводу пункта 1 Статьи 5 Конвенции. Заявитель был арестован сотрудниками сил безопасности Турции на борту самолета в международной зоне аэропорта г. Найроби. Непосредственно после того, как представители властей Кении передали заявителя представителям властей Турции, он оказался под реальной властью

³ С оригиналами «Информационных бюллетеней по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека» на английском языке можно ознакомиться на веб-сайте <http://www.echr.coe.int/Eng/InformationNotes/InformationNotes.htm> (прим. перев.).

⁴ Согласно статье 27 Конвенции для рассмотрения переданных ему дел Европейский Суд образует комитеты в составе трех судей, Палаты в составе семи судей и Большую Палату в составе семнадцати судей (прим. перев.).

⁵ Пункт 4 Статьи 5 Конвенции гласит: «каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным» (прим. перев.).

Турции и, следовательно, попал под «юрисдикцию» этого государства для целей применения Статьи 1 Конвенции, даже, несмотря на то, что в данном случае власти Турции действовали за пределами своей территории.

Арест и последующее взятие под стражу заявителя были произведены в соответствии с ордерами, выданными уголовными судами Турции, и были направлены на то, чтобы он «предстал перед компетентным органом по обоснованному подозрению» в совершении правонарушения. Таким образом, арест и взятие под стражу были произведены в соответствии с законодательством Турции. Что касается вопроса о перехвате заявителя в Кении сразу перед тем, как он был передан представителям властей Турции, то различные аспекты дела позволили Большой Палате принять доводы государства-ответчика, что в соответствующее время власти Кении приняли решение передать заявителя представителям властей Турции или способствовать такой передаче. Заявитель не представил в Европейский Суд доказательства, которые позволили бы прийти к единодушному выводу, что в настоящем деле Турция нарушила суверенитет Кении или нормы международного права.

Таким образом, следует признать, что арест заявителя в феврале 1999 года и его взятие под стражу были проведены – для целей применения пункта 1 Статьи 5 Конвенции – в «порядке, установленным законом».

Постановление

Европейский Суд пришел к выводу, что в данном вопросе по делу требования пункта 1 Статьи 5 Конвенции нарушены не были (принято единогласно).

По поводу пункта 3 Статьи 5 Конвенции. Как и Палата Европейского Суда, Большая Палата Европейского Суда не приемлет доводы государства-ответчика, что неблагоприятные погодные условия были в основном причиной того, что доставление заявителя к судье заняло семь дней.

Постановление

Европейский Суд пришел к выводу, что в данном вопросе по делу допущено нарушение требований пункта 3 Статьи 5 Конвенции (принято единогласно).

По поводу пункта 1 Статьи 6 Конвенции, что касается состава Суда государственной безопасности. Вопрос, представляется ли суд независимым, зависит не только от его состава на момент вынесения им своего приговора. Для того чтобы отвечать требованиям Статьи 6 Конвенции, касающимся независимости суда, Суд государственной безопасности должен выглядеть независимым от исполнительной власти и законодательной власти на всех трех стадиях производства по делу, а именно на стадии расследования, на стадии рассмотрения дела по существу и на стадии вынесения приговора (это три основные стадии производства по уголовному делу в Турции согласно информации государства-ответчика). Кроме того, когда военный судья принимал участие в вынесении одного или более промежуточных процессуальных решений, которые остаются в силе на всем протяжении производства по рассматриваемому Европейским Судом уголовному делу, у обвиняемого имеются обоснованные опасения по поводу правомерности всего производства по делу, если только не будет установлено, что порядок производства по делу, которому впоследствии следовали в Суде государственной безопасности, в достаточной мере развеял эти опасения. Говоря более конкретно, в тех случаях, когда военный судья принимал участие в вынесении промежуточного решения, которое образует неотъемлемую часть производства по делу в отношении гражданского лица, все

производство по делу лишается представления о нем, как о производстве, проводившимся судом независимым и беспристрастным.

При рассмотрении дела заявителя военный судья принимал участие в двух предварительных слушаниях и шести слушаниях по существу, когда выносились промежуточные процессуальные решения. Ни одно из этих решений не было пересмотрено после замены военного судьи, и все они были подтверждены заменившим его судьей. При этих обстоятельствах Большая Палата Европейского Суда не приемлет того довода, что замена военного судьи перед концом процесса развеяла разумные сомнения заявителя относительно независимости и беспристрастности суда первой инстанции.

Постановление

Европейский Суд пришел к выводу, что в данном вопросе по делу допущено нарушение требований пункта 1 Статьи 6 Конвенции (принято одиннадцатью голосами «за» и шестью голосами «против»).

По поводу пункта 1 Статьи 6 Конвенции в увязке с подпунктом «b» пункта 3 и подпунктом «с» пункта 3 Статьи 6 Конвенции. Большая Палата Европейского Суда согласилась с Палатой Европейского Суда в том, что по делу имело место нарушение властями Турции пункта 1 Статьи 6 Конвенции в увязке с подпунктами «b» и «с» пункта 3 Статьи 6 Конвенции, выразившееся в том, что заявителю было отказано в справедливом судебном разбирательстве: ему было отказано в доступе к адвокату в период содержания под стражей в полиции; он не имел возможности общаться со своими адвокатами вне пределов слышимости третьих лиц; он был лишен возможности знакомиться с материалами дела до самой поздней стадии досудебного производства по делу; были установлены ограничения число и продолжительность его свиданий со своими адвокатами; его адвокатов допускали к материалам дела для ознакомления лишь в самом конце дня. В результате всех этих трудностей были ограничены права защиты в такой степени, что принцип справедливого судебного разбирательства, как он предусмотрен Статьей 6 Конвенции, был нарушен.

Постановление

Европейский Суд пришел к выводу, что в данном вопросе по делу допущено нарушение требований пункта 1 Статьи 6 Конвенции в увязке с подпунктом «b» пункта 3 и подпунктом «с» пункта 3 Статьи 6 Конвенции (принято единогласно).

По поводу пункта Статьи 2, Статьи 14 в увязке со Статьей 2 и Статьи 3 Конвенции, что касается вопроса об исполнении приговора к смертной казни. Смертная казнь была отменена в Турции, и наказание, назначенное заявителю, было смягчено и заменено наказанием в виде лишения свободы пожизненно. Кроме того, 12 ноября 2003 г. Турция ратифицировала Протокол № 6 к Конвенции, касающийся вопроса об отмене смертной казни.

Постановление

Европейский Суд пришел к выводу, что в данном вопросе по делу требования пункта Статьи 2, Статьи 14 в увязке со Статьей 2 и Статьи 3 Конвенции нарушены не были (принято единогласно).

По поводу Статьи 3, истолкованной в контексте Статьи 2 Конвенции, что касается вопроса о назначении наказания в виде смертной казни по результатам

несправедливого судебного разбирательства дела. Большая Палата Европейского Суда поддержала мнение Палаты Европейского Суда о том, что назначение лицу наказания в виде смертной казни по результатам несправедливого судебного разбирательства означало неправомерно вселить в такое лицо чувство страха перед тем, что смертный приговор будет приведен в исполнение. Чувство страха и неопределенности перед будущим, вселенное смертным приговором, в обстоятельствах, когда существовала реальная возможность приведения наказания в исполнение, должно было породить большое человеческое страдание. Такое страдание не может быть отделено от несправедливости судебного процесса, ставшего основой приговора, который – с учетом того, что в нем речь шла о жизни человека, – в соответствии с нормами Конвенции является незаконным. Опасность того, что наказание в виде смертной казни, назначенное заявителю, будет исполнено, была реальной и продолжала оставаться таковой в течение более трех лет. Хотя в Турции с 1984 года был введен мораторий на применение смертной казни, и турецкое правительство выполнило предписание Европейского Суда о принятии временной судебной меры согласно Правилу 39 Регламента Суда: оно приостановило приведение в исполнение приговора к смертной казни, и дело заявителя не было направлено в парламент для утверждения наказания в виде смертной казни, как тогда требовалось Конституцией Турции.

Как и Палата Европейского Суда, Большая Палата сочла, что дело по обвинению заявителя не рассматривалось независимым и беспристрастным судом, и что имело место нарушение прав защиты, как они предусмотрены пунктом 1 Статьи 6 Конвенции в увязке с подпунктами «b» и «с» пункта 3 Статьи 6 Конвенции. Смертная казнь, таким образом, была назначена заявителю по результатам несправедливого процесса, который не может считаться совместимым со строгими стандартами справедливости, следовать которым надлежит по всем делам, включающим возможность назначения смертной казни. Кроме того, он должен был страдать от последствий назначения смертной казни в течение более чем трех лет. Назначение наказания в виде смертной казни по результатам несправедливого судебного разбирательства приравнивается к бесчеловечному обращению.

Постановление

Европейский Суд пришел к выводу, что в данном вопросе по делу допущено нарушение требований Статьи 3, истолкованной в контексте Статьи 2 Конвенции (принято тринадцатью голосами «за» и четырьмя голосами «против»).

По поводу Статьи 3 Конвенции, что касается условий транспортировки заявителя и содержания его под стражей. Что касается вопроса о транспортировке заявителя из Кении в Турцию, то Большая Палата согласна с выводом Палаты Европейского Суда, что хотя заявитель был закован в наручники, на его глаза была надета повязка, он был снят на видеокамеру, и кадры, показывающие его с надетой на глаза повязкой, были продемонстрированы средствам массовой информации, не было установлено «вне всякого разумного сомнения», что его арест и условия транспортировки в Турцию превысили обычную степень унижения, которая неизбежна при любом аресте и взятии под стражу или что во время ареста и транспортировки была проявлена жестокость в той минимальной степени, которая требуется для того, чтобы был поднят вопрос о применении положений Статьи 3 Конвенции.

Что касается условий продолжавшегося содержания заявителя под стражей на острове Имрали, то Большая Палата, хотя и согласилась с рекомендациями Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного либо унижающего человеческого достоинство обращения или наказания относительно того,

что долгосрочный эффект относительной социальной изоляции заявителя должен быть смягчен предоставлением ему доступа к тем же возможностям, которыми располагают в Турции заключенные мест лишения свободы особо строго режима (таким, как возможность смотреть телевизор или вести телефонные разговоры с семьей), согласилась также с выводом Палаты Европейского Суда о том, что общие условия содержания заявителя под стражей не достигли пока той минимальной степени жестокости, которая требуется для того, чтобы считаться бесчеловечным или унижающим достоинство человека обращением в значении Статьи 3 Конвенции.

Постановление

Европейский Суд пришел к выводу, что в данном вопросе по делу требования Статьи 3 Конвенции нарушены не были (принято единогласно).

По поводу Статьи 34 (последняя часть) Конвенции. Что касается лишения заявителя возможности после его ареста сообщаться с его адвокатами в Амстердаме, Большая Палата отмечает, что группа представителей заявителя, образованная приглашенными им адвокатами, впоследствии обратилась в Европейский Суд и изложила все его обвинения в адрес властей касательно периода времени, в течение которого у него не было контакта со своими адвокатами. Следовательно, нет ничего, что указывало бы на то, что заявителю препятствовали хоть в какой-то значительной степени в осуществлении его права на подачу индивидуальной жалобы в Европейский Суд. Огорчительная задержка государства-ответчика с ответом на запрос Палаты Европейского Суда о предоставлении информации, учитывая особые обстоятельства дела, не помешала заявителю изложить свои жалобы Европейскому Суду относительно производства по его делу. Соответственно, ему не препятствовали в осуществлении его права на подачу индивидуальной жалобы в Европейский Суд.

Постановление

Европейский Суд пришел к выводу, что в данном вопросе по делу требования Статьи 34 Конвенции нарушены не были (принято единогласно).

Компенсация

В порядке применения Статьи 41 Конвенции. Большая Палата единогласно согласилась с выводом Палаты Суда о том, что установление факта нарушения требований Статей 3, 5 и 6 Конвенции само по себе является достаточной справедливой компенсацией любого причиненного заявителю морального вреда. Большая Палата вынесла решение в пользу заявителя о возмещении ему части судебных издержек и иных расходов, понесенных в связи с производством по его жалобе в Европейском Суде, в размере 120 тысяч евро.